

⁵ В современной этнографии/этнологии используется термин “этнос”. Автор рецензируемой монографии также употребляет этот термин, но нигде не оговаривает, что он тождественен нраву.

⁶ Впрочем, как и нрав.

⁷ Психологический портрет любой социальной общности, скорее всего, является неразрешимой для науки проблемой, поскольку, по всей видимости, невозможно выработать точные (объективные) критерии для изображения этого портрета, хотя социальная, в том числе и этническая, психология усиленно работает в этом направлении.

⁸ В этом постулате существует доля истины: широко известно из антропологических и этнографических исследований XX в. присутствие в карельской культуре восточнославянских физических и культурных черт.

⁹ В книге, к сожалению, отсутствует упоминание резко отрицательного образа поляка в русской художественной литературе XIX столетия, в частности в некоторых произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

ЭО, 2011 г., № 5

Е.А. Цыпанов. Рец. на: *С. Лаллукка. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы.* СПб: Изд-во “Европейский Дом”, 2010. 336 с.

В конце 2010 г. в издательстве “Европейский Дом” вышла в свет монография финского исследователя финно-угорских народов, доктора философии Сеппо Лаллукки “Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы”, представляющая собой перевод его книги 1995 г. под названием “Коми-пермяки – народ окраинной земли. Периферизация, ассимиляция и посткоммунистический перелом” (в оригинале *Komipermjäkit – perämaan kansa. Syrjäytyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros*). Однако издание книги на русском языке оказалось не просто переводом, но практически новым исследованием, поскольку со времени выхода в свет монографии прошло 15 лет, в течение которых прошла Всероссийская перепись населения 2002 г., а также произошли серьезные изменения в административном устройстве России и исследуемого региона, а именно – бывший Коми-пермяцкий автономный округ вошел в состав Пермской области, утратив статус субъекта Федерации и став составной частью Пермского края.

Рассматриваемая монография состоит из предисловия, введения, пяти разновеликих глав, заключения, списка использованной литературы и указателя имен, упоминаемых в тексте работы.

Глава “Периферийная мобилизация этничности” имеет обобщающе-теоретический характер. В ней рассмотрены вопросы определения в советской политической литературе понятий родины и этнотерритории и очерчены особенности советского федерализма, который сохраняется и в российском федерализме, т.е. иерархии национально-государственных образований. Автор прослеживает основные характеристики периферии, к которым относит 1) зависимость от центра в жизненно важных отношениях, 2) экономическую отсталость, односторонность развития экономики и ее сырьедобывающую направленность, 3) культурную маргинальность, ее несамостоятельность и слабость. К этому добавляется также географическая удаленность и особый периферийный или провинциальный идентитет.

Следующая глава “Узловые моменты формирования коллективной памяти народа” посвящена истории коми-пермяков и соответствующего региона. В этнографической литературе это первый опыт подробного изложения истории коми-пермяков с древнейших времен, от легенд о чуде до наших дней. Автор проработал всю опубликованную историко-этнографическую и лингвистическую литературу и построил свое изложение в нескольких частях. В первом ее подразделе “Исторический путь от Перми Великой до Коми-Пермяцкого края” описаны исторические события и процессы, предшествовавшие созданию округа: чудской и новгородский периоды,

присоединение края к Московскому княжеству, колонизация земель и присоединение Сибири, рост вотчин графа Строганова и развитие крепостничества, появление сырьевой промышленности в крае, становление его как части окраины индустриального Урала. Автор констатирует, что Коми-Пермяцкий край много столетий подряд был периферией, что обусловило его значительную отсталость. Специальный подраздел посвящен стереотипам в оценке русскими авторами (путешественниками, очеркистами, учеными) коми-пермяков как народа низшей расы, малокультурной крестьянской массы, что отражено в дореволюционной краеведческой литературе и журналистике. Приятными исключениями из этого тенденциозного подхода явились произведения русского писателя-народника Федора Решетникова и коми-зырянских этнографов Каллистрата Жакова и Питирима Сорокина. Во втором подразделе “Советская автономия и порочный круг периферийности” изложены события, предшествующие созданию округа, описаны усилия коми-зырян и пермяков по объединению всех коми в одну административную единицу, кратко охарактеризовано формирование национально-административной единицы для коми-пермяков, становление экономики округа и трудности в лесной отрасли и сельском хозяйстве, переживаемые как раньше, так и сегодня. Впечатляет подраздел, посвященный событиям 1930-х гг., когда вследствие чрезмерно завышенных планов сельхозпоставок для колхозов в сёлах округа разразился настоящий голод, повлекший сокращение роста населения. Именно к таким выводам пришел в своих трудах кудымкарский историк А.Е. Коньшин. Экономический кризис 1990-х гг. повлек за собой резкое снижение лесозаготовок, закрытие колхозов, всплеск безработицы и последующие социальные беды – рост алкоголизации населения, самоубийств и уровня смертности, миграционный отток из округа как среди коми-пермяков, так и других проживающих национальностей. Бедность, отсутствие перспектив жизни на селе, закрывающиеся лесные поселки, отсутствие хороших дорог, газификации, водопровода, убывающее население поселений – всё это характеризует современный Коми-Пермяцкий округ. В третьем подразделе “Меняющееся положение национальной культуры” даны подробные сведения о первых памятниках коми-пермяцкой письменности, вкладе школы миссионера и просветителя Николая Ильминского в воспитание коми-пермяцкого учительства во второй половине XIX в. Интересно, что типовые буквари для школ на коми-пермяцком языке появились на рубеже веков, т.е. раньше, чем на зырянском языке. Автор называет периодом расцвета для культуры округа 1920-е гг., что вполне объективно. Он показывает прогрессивную роль коми-зырянской интеллигенции в оказании помощи и поддержке первым коми-пермяцким писателям в издании учебников и художественной литературы, языковом строительстве, помощи в организации театра, культурных учреждений, в развитии собственной художественной литературы и т.д. На конкретных данных охарактеризованы процессы отката от завоеванных позиций (сокращение числа национальных школ, числа учащихся, занимающихся по национальной программе) в 1940–70-х гг.

Глава “Территория, население и языки” состоит также из трех частей. Первый подраздел посвящен демографическому исследованию населения округа в целом, безотносительно к национальному составу жителей. Выявлены типы населенных пунктов, их характер, величина и концентрация. Так, из всего населения округа 60% сосредоточено в южной ее части, на ¼ площади края, северные районы остаются слабозаселенными. Рассмотрены миграционные процессы. Если в 1950-е гг. население округа росло за счет притока рабочей силы в лесные поселки, то за 1959–1989 гг. население сократилось на 33%, в то время как число жителей Пермской области в целом возросло. Жители округа выезжали на постоянное место жительства в основном в города Пермской области, где были лучшие условия для жизни. Теперь население округа составляет около 160 тыс. человек, хотя на рубеже 1950–1960-х гг. оно составляло 230 тыс. человек. Половозрастная структура населения округа была несбалансированной: соотношение женского и мужского населения в разных возрастах асимметрично, что является следствием демографических потерь (выездом женщин 20–29 и 30–39 лет за пределы округа). В последние десятилетия наметилась тенденция к старению населения, сократилась рождаемость и увеличилась смертность, особенно мужская.

Второй подраздел главы посвящен анализу региональной основы коми-пермяцкого идентитета. На основе данных переписей населения разных лет и других статистических данных автор прослеживает изменения в количественном составе коми-пермяков. Этот народ пережил множество трагедий – голод, войны, коллективизацию, из-за чего количество коми-пермяков в округе постоянно сокращалось, а рост общего их количества замедлился почти до нулевого. После 1989 г. общее количество коми-пермяков уменьшилось, главным образом по причине ассимиляции. Автор подробно освещает такие вопросы, как национальный состав жителей округа, межэт-

нические границы, концентрация коми-пермяков в разных районах, кратко описывает наиболее значительные группы коми-пермяцкой диаспоры (язвинцы, зюзыдинцы, группы коми-пермяков в Перми, Березниках, Чердыни). Подробнейшим образом раскрыта половозрастная структура коми-пермяков округа, проведен когортный анализ состава населения, построены демографические пирамиды, позволяющие наглядно сравнивать половозрастную структуру коми-пермяков с показателями для всего населения области.

Третий подраздел главы “Изменяющийся репертуар языков” раскрывает древние исторические связи коми-пермяцкого и русского языков, языковые навыки и предпочтения населения округа, данные о которых получены в результате массового опроса, проведенного летом 1992 г. Представлен когортный анализ, выявлены языковые комбинации четырех групп коми-пермяков – национальных монолингвов, неассимилированных билингвов, ассимилированных билингвов и ассимилированных монолингвов, говорящих лишь по-русски, однако называющих себя коми-пермяками. Охарактеризовано употребление коми языка в городе и на селе в разных сферах общения. В заключении автор утверждает, что, несмотря на слабую урбанизацию края и абсолютное большинство коми-пермяцкого населения в округе, будущее языка коми находится под угрозой, а язык диаспор оказывается еще в худших условиях. Общественный авторитет и знание литературного языка слабы, коми-пермяки никак не мотивированы на использование родного языка зачастую даже в семье. Ассимиляция идет активно в городах и поселках городского типа, а также райцентрах, особенно в северной части округа.

Следующая глава “Политическая арена и этнорегиональная тематика в СМИ” дает картину общественной полемики в окружной прессе по различным вопросам на основе публикаций в газете “Парма”, начиная со времени перестройки и гласности середины 1980-х гг. Автор обсуждает вопрос о роте общественной активности и этнорегиональной мобилизации в Российской Федерации вообще и финно-угорских регионах в частности. Проблемы языка и культуры обсуждались на страницах газеты “Парма” и на многих собраниях, конференциях общества “Югөр”, однако, как утверждает автор, вопросы языка так и не стали в округе предметом всеобщего внимания и подробного обсуждения. Отдельный подраздел “Вопрос об объединении двух ветвей коми народа” посвящен связям между коми зырянами и коми-пермяками в постсоветское время. Эту тему С. Лаллукка освещал еще в главе об истории края и коми-пермяцкого народа применительно к вопросу об организации в 1925 г. Коми-Пермяцкого национального округа. В перестроечное время опять звучали призывы к объединению всех коми в одно административное образование, но это были лишь выступления делегатов съездов коми в Сыктывкаре, т.е. призывы звучали лишь на уровне общественных организаций и собраний. После 1992 г., как указывает автор, даже такие разговоры утихли, однако в декабре 1993 г. на III съезде коми в Сыктывкаре делегаты обратились к руководству республики и округа с требованиями всесторонне развивать связи между коми-зырянами и коми-пермяками, создать общее культурное и экономическое пространство на территории проживания всех коми. Эти умеренные требования остались лишь благими пожеланиями. За 20 лет после распада СССР зыряне и пермяки так и остались в условиях изоляции друг от друга. Культурное сотрудничество между округом и республикой за последние два десятилетия так же не стало интенсивнее.

Шестая часть монографии “В эпицентре административно-территориального переустройства” является новой, в финском варианте ее просто не могла ещё быть. Она посвящена последним событиям в истории округа – изменению статуса Коми-пермяцкого округа, в результате которого он перестал быть самостоятельным субъектом Российской Федерации. В исторической литературе это первое подробное изложение процесса укрупнения субъектов федерации за счет их объединения. Коми-Пермяцкий национальный округ был первым среди подобных в 1925 г., он же стал и первым административно-территориальным образованием, которое в результате референдума было объединено, а в реальности прекратило свое существование. На большом фактическом материале С. Лаллукка показывает добровольно-принудительный характер такого объединения, в котором заинтересованными сторонами выступили как федеральные властные структуры, так и руководство Пермской области в лице бывшего губернатора Юрия Трутнева, переведенного после процесса объединения в Москву в ранг федерального министра. Перечисляются все мероприятия, имевшие целью создать общественное мнение в пользу объединения (выежи в Кудымкар московских политиков, государственных деятелей, депутатов Госдумы РФ, в том числе тогдашнего президента РФ В.В. Путина, щедрые посулы и обещания, создание специально для этой цели газеты “Пермский край”, и т.п.). Здесь же указывается, что для противников объединения создавались бюрократические препоны, явные ограничения для выражения их по-

зиции в электронных СМИ и печати. Автор не дает окончательных оценок объединения, однако и так ясно, что список позитивных изменений остается небольшим. Так, на законодательном уровне округ получил только два места в законодательном собрании Пермского края. Социально-экономические проблемы населения края не разрешены и после референдума. Автор этих строк был в командировке в Кудымкаре в апреле 2009 г. и при встречах с представителями коми-пермяцкой интеллигенции не услышал ни одного доброго слова по поводу спрямления вертикали власти.

В заключении автор подчеркивает, что сложность этнического развития коми-пермяков имеет определенные исторические причины и напрямую связана с периферизацией округа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Работа С. Лаллукки является солидным трудом в области этнографического исследования коми-пермяков, закрывающим очевидную брешь в исследованиях современного положения коми.

ЭО, 2011 г., № 5

© М.А. Фаденчева. Рец. на: *А.М. Кузнецов. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае*. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. 188 с.

Современный Китай является одной из демографических сверхдержав, поэтому формирование ханьской этнической общности, а также объединительные тенденции строительства гражданской нации представляют большой научный интерес.

Рецензируемое исследование имеет серьезное теоретико-методологическое обоснование, которому посвящена первая глава монографии. В ее первом параграфе (“Антропоцентрированные подходы и концепции”) дается критический анализ различных идей, которые положены в основу изучения проблем Востока. Автор разделяет взгляд, что ориентализм представляется западным стилем доминирования над Востоком, осуществляющимся посредством специфического выработанного дискурса. Отсюда следует и проблема определения уровня “самобытности” истории, культуры, политики стран Востока, которая определяет то, насколько применимы западные теории и концепты к анализу истории и современности незападного мира. Автор утверждает, что многие идеи некритически усваиваются и привносятся в другую реальность. Так, например, концепт идентичности развивался сначала на Западе, а затем очень быстро он был привнесен на Восток. Однако без ответа остается вопрос, который напрашивается сам собой: почему же столь быстро “тлетворные” идеи западной науки проникают на “самобытный” Восток?

В параграфе втором (“Мировое комплексное регионоведение и разработка аналитических моделей изучения стран и регионов”) одним из главных выводов является признание того, что именно системный подход, а не цивилизационный или какие-либо другие, является наиболее эвристичным при изучении социально-политических проблем не только Востока, но и других регионов. Здесь же тщательно прописывается процедура авторского исследования этнополитической ситуации, этнической политики и нациестроительства в Китае.

Принципиально важным и необходимым в методологическом отношении представляется параграф “Проблема изучения этноса, нации и нациестроительства в современном научном дискурсе”. Автор реализует свой замысел определения ключевых понятий, таких как этнос, нация, этническая политика, национальная политика, этнонациональная политика, нациестроительство, государственное строительство и др., опираясь на модернизированное и примененное к новой реальности богатое наследие С.М. Широкогорова.

Глава “Китай как полиэтническая страна. Основные векторы этнонациональной политики Китая и КНР в XX – начале XXI вв.” начинается со скрупулезного анализа этнического состава населения и современного положения этнических общностей в Китае. Автором используются как политико-правовые документы, так и статистические данные. Например, интересен тот факт, что в 1953 г. в Китае было определено 38 “национальностей”, а в 1954 г. их количество возросло до 400. Однако установка Мао Цзэдуна на объединение привела к тому, что стало

Марианна Альфредовна Фаденчева – д. полит. н., доцент, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург); e-mail: fm366@uralmail.com